

УДК 339.34

РОЛЬ ИНСТИТУТОВ И ГЕОГРАФИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ: АКТУАЛЬНАЯ ПОЛЕМИКА В ГЕТЕРОДОКСАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

С.Г. Кирдина

Кирдина Светлана Георгиевна – доктор социологических наук, завсектором. Институт экономики РАН, Нахимовский пр., 32, Москва, Россия, 117218. E-mail: kirdina@bk.ru.

Дискуссии о сравнительной роли географических и социальных (институциональных) факторов в экономическом развитии насчитывают не одну сотню лет. Фундаментальным основанием этих дискуссий является рассмотрение материального мира с позиций взаимосвязи природы и общества. Активно формирующаяся гетеродоксальная экономика, которая декларирует необходимость преодолеть ограничения базовых предпосылок экономического мейнстрима, вносит в эту перманентную дискуссию свой вклад. В статье проанализирована «географическая гипотеза» в работах современных российских и зарубежных институционалистов, а также показаны ее истоки. Выявлено, что при анализе долгосрочных периодов экономической эволюции география очевидно имеет значение. В подтверждение приводятся результаты эмпирических исследований, проведенных в России и мире с начала 2000-х гг. и по настоящее время.

Географический детерминизм, институты, гетеродоксальная экономика.

DOI: 10.14530/se.2016.3.133-150

ВВЕДЕНИЕ

Становление таких направлений экономического анализа, как институциональная экономика, эволюционная экономика, экономика сложности, социальная экономика и ряда других, относимых к гетеродоксальной экономике (*heterodox economics*), связано с излишней жесткостью – несмотря на попытки ее ослабить – основных предпосылок ортодоксальной неоклассической экономики. Эта жесткость делает предпосылки экономикс нереалистичными по отношению к реально протекающим экономическим процессам. В современных условиях с позиций неоклассического мейнстрима зачастую трудно

© Кирдина С.Г., 2016

Представлены результаты исследования в рамках проекта РГНФ № 14-02-00422 «Макроинституциональная циклическая динамика: теория и моделирование».

понять и оценить тенденции экономического развития общества. Затянувшийся кризис экономической теории, о чем пишут уже не одно десятилетие (см. работы П. Блауга, В.М. Полтеровича и др.), в том числе и на страницах журнала «Пространственная экономика», это очевидно демонстрирует. Как отмечает П.А. Минакир со ссылкой на [30], экономистам-неоклассикам стало катастрофически не хватать «профессиональной мудрости, опирающейся на глубокое знание психологии, институциональных структур и исторических прецедентов» [18, с. 14]. Поэтому некоторые экономисты выходят за пределы мейнстрима и пополняют сообщество гетеродоксов.

Можно выделить несколько особенностей современной гетеродоксальной экономики, значимых в контексте нашего анализа. Во-первых, гетеродоксальную экономику характеризует активное взаимодействие с социальными и естественными науками. Междисциплинарность¹, которая все чаще признается необходимым условием получения нового фундаментального знания, гораздо характернее для гетеродоксальных исследований, чем для экономики мейнстрима. Во-вторых, гетеродоксальную экономику отличает большее внимание к процессам не на микро-, но на мезо- и макроуровнях. Если ядро экономики мейнстрима можно охарактеризовать как «рациональность – индивидуализм – равновесие», то для экономистов-гетеродоксов это «институты – история – социальные структуры» [29, р. 57]. Соответственно, аналитическая программа гетеродоксальных исследований опирается не столько на предпосылки методологического индивидуализма, сколько на предпосылки холизма и методологического институционализма [10; 38]. В-третьих, гетеродоксальная экономика гораздо активнее включает в свой предмет категорию времени. Это ориентирует ученых на изучение эволюционных процессов, определяет выход на длительные исторические горизонты и фокусирует внимание на становлении и развитии экономических феноменов. Наконец, в-четвертых, гетеродоксальная экономика стремится преодолеть разрыв между изучением социальных и экономических процессов, с одной стороны, и средой их протекания, с другой. Известно, что для мейнстрима характерно скорее параллельное сосуществование неоклассической экономической теории и пространственной (spatial) экономики. В отличие от этого, в гетеродоксальной экономике не только развиваются соединяющие эти феномены стыковые науки, такие как экологическая экономика (eco-economics), green economics или resource-based economics, но и объектами изучения в ряде других гетеродоксальных направлений становятся среда, география, климат. За этим стоит осознание того, что «необходимость междисциплинарного подхода к решению определенной совокупности вза-

¹ Междисциплинарность, как отмечает В.Н. Лаженцев, всегда «выглядела вполне естественной и понятной большинству географов» [17, с. 120].

имосвязанных проблем объективно обусловлена все возрастающим проникновением природных факторов и условий в проблематику социальных процессов» [17, с. 128]. Для такого направления, как институциональная экономика, о которой пойдет речь в статье, география становится реальным «действующим лицом» в экономическом анализе.

О РОЛИ ГЕОГРАФИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

Известные традиции объяснения различных образцов социальной организации и человеческой культуры такими внешними факторами, как климат, особенности территории и т. п., идут еще от древнегреческих философов (Демокрита, Гиппократы, Плиния и др.). В Новое время они нашли продолжение в работах Ш.-Л. де Монтескье, основоположника французской социогеографической школы XVIII в. На русском языке хороший исторический обзор работ по этой теме представлен в [19]. На английском языке интересен анализ, который провели А. Лоренц, Х.-Р. Хеммер и С. Ахфельд в статье 2005 г. с характерным названием «The Economic Growth Debate – Geography Versus Institutions: Is There Anything Really New?» [40].

Здесь просматриваются две исторические тенденции в сближении географии и социальных, а также экономических наук. С одной стороны, можно выделить стремление обществоведов включить географию и пространство в свои исследования. При изучении социальных структур было отмечено, что посредством формирования соответствующих социальных структур и институтов общества приспосабливаются к окружающей среде. На этот фундаментальный общественный процесс обращали внимание представители многих социальных наук. Так, в работах основателя Чикагской школы социологии (другое название – Чикагская школа человеческой экологии) 1920–1930 гг. американца Р.Э. Парка была представлена концепция социальной эволюции как продукта взаимодействия «коллективного индивида» с окружающей его социальной и естественной средой. Представители Чикагской школы называли процесс приспособления общества к географическим условиям *аккомодацией* [2, с. 22], считая его в чем-то сходным с процессом биологической адаптации. Однако если результаты биологической адаптации – это, прежде всего, формирование у живых существ определенных свойств, то в процессе приспособления человеческих обществ к окружающей среде в них вырабатываются определенные коллективные социальные технологии, в том числе институты. С их помощью организуется совместная деятельность на той или иной территории и воспроизводятся найденные в ходе коллективной деятельности образцы социальной организации, позволяющие использовать природные ресурсы для общего выживания и развития.

Культурологи и социологи, опирающиеся на марксистские традиции, также подчеркивали роль внешней среды, развивая известный «адаптационный подход». При таком подходе развитие социума и применяемых «социальных технологий» рассматривается в контексте решения проблем выживания в определенных материальных условиях [53; 55]. Как в этой связи пишет Т. Эрл, «...человеческие институты суть организационные решения критических проблем адаптации» [31, р. 946]. Данные рассуждения были поддержаны затем американским экономистом Д. Нортон. Анализируя причины разнонаправленного развития обществ, политических систем и экономик, он обращался к фактам далекой истории и пояснял, что «группы и племена сталкивались с различными проблемами, располагая при этом различными ресурсами, человеческим потенциалом и климатическими условиями. Из этого возникали различия в решении общих проблем выживания... Нет причин полагать, что решения должны быть сходными...» [20, с. 119].

Также можно указать на работы представителей эколого-эволюционного направления в экономической социологии, которые отмечали значение взаимосвязи поведения индивидов с теми ограничениями, в рамках которых общество воспроизводит средства к своему существованию [39; 56]. Представители данного направления указывают, что в социокультурной эволюции наследственность означает передачу *приобретенных* в ходе человеческой истории полезных практик (включая институты) от поколения к поколению, в то время как биологическая эволюция предполагает только передачу генетических, а не приобретенных характеристик [3, с. 258]. Этот специфический наследственный механизм объясняет устойчивость институциональных структур, формирующихся в обществах в ходе освоения тех или иных территорий, на которых им предстоит вершить собственную историю.

Из экономистов укажем на В. Ойкена. В своей работе 1947 г. он отмечал, что те или иные хозяйственные порядки являются естественно выросшими, складывающимися под влиянием определенного природного и иного окружения вне зависимости от какого бы то ни было всеобъемлющего плана [21, с. 72–73]. По сути, он также отмечает прямое влияние внешних материальных условий на становление институциональных структур в ходе общественной эволюции. Если же иметь в виду современные представления о том, что «непредсказуемость и необратимость паттернов, по-видимому, характеризует все социальные и физические системы» [57, с. 18], то становится понятным, почему возникающие в ходе противоречивых порой взаимодействий населения с окружающей средой базовые институты закрепляются и воспроизводятся в общественных структурах.

Осознание географической обусловленности общественных отношений всегда было характерно и для российского обществоведения. В XIX в. значе-

ние географического положения России для выбора направлений исторического развития исследовал В.О. Ключевский. Представители государственной школы в российской историографии, среди них Б.Н. Чичерин, обосновывали господствующую роль государства в российской истории (по сравнению с другими странами, прежде всего Западной Европы) особенностями природных условий [24]. В начале XX в. на связь государственного строя и природного окружения указывал И.А. Ильин: «Государственный строй не есть пустая и мертвая «форма»: он связан с жизнью народа, с его природою, климатом, размерами страны, с ее историческими судьбами... Государственный строй есть живой порядок, *вырастающий* из всех этих данных, по-своему выражающий их, *приспособленный* к ним и неотрывный от них» [9, с. 183–184].

В современной российской общественной науке определяющая роль пространства для человеческой истории подчеркивается в концепции социоестественной истории (СЕИ), которую развивал Э.С. Кульпин [15; 16]. Согласно этой концепции, история представляет собой деятельность «человека хозяйствующего» во «вмещающем ландшафте». Делается важное предположение об однонаправленном эволюционном развитии этих взаимосвязанных элементов. В обобщенном виде оно формулируется автором концепции СЕИ следующим образом: развитие цивилизации, или развитие суперэтноса, проживающего в определенном хозяйственном ландшафте, понимается как процесс, протекающий в одном и том же канале эволюции [15, с. 244].

Очевидно, что влияние географической среды на человеческую деятельность происходит во взаимодействии с другими факторами и опосредуется ими. Поэтому зачастую оказывается невозможным выделить географический фактор «в чистом виде» [36]. Тем не менее роль пространства с присущими ему характеристиками, в котором существуют общественные структуры, имеет значение. Поэтому исследования по влиянию географического пространства на социальные и экономические процессы по-прежнему посвящено немало научной литературы.

В последние годы исследования климата, географии и экологии в общественных науках стали настолько популярны, что, например, социологи фиксируют своего рода «ресурсный поворот» [14, с. 73]. Современные исследования в гетеродоксальной экономике также находятся в этом тренде.

Одновременно – и это вторая историческая тенденция – можно видеть, что «изнутри» самой географии возникал запрос на более активное взаимодействие с социальными науками и экономикой. Еще Ф. Бродель писал в своих работах о том, что «первоочередной задачей сегодня является сближение географии и социальных наук» [4, с. 116]. Интересный обзор в этом направлении представлен в статье Демьяненко А.Н., Дятловой Л.А. и Украинского В.Н. 2013 г. [7], где особое внимание уделяется анализу предложен-

ных Ф. Броделем методологических положений, на основе которых может быть осуществлен междисциплинарный синтез при исследовании взаимодействия пространственных проекций общественного развития.

Выше отмечалось, что гетеродоксальная экономика, по сравнению с ортодоксальной, более внимательно относится к анализу долгосрочных процессов. Аналогичное понимание можно найти в географической традиции Ф. Броделя. Говоря о роли географии, Ф. Бродель писал, что «...географическое рассмотрение долгосрочных периодов приводит нас к пониманию самых длительных процессов, которые знает история» [5, с. 117]. При этом нельзя не согласиться с утверждением исследователей его творчества [7, с. 170], что «чем больше временной горизонт прогноза, тем больше внимания следует уделить анализу почти неизменных (по сравнению с собственно экономическими структурами) физико-географических структур (природных зон, физико-географических стран и районов)». Ф. Бродель ввел понятие «времени большой протяженности», которое предполагает введение в анализ экономических процессов и систем «медленно текущей истории», «постоянных характеристик истории», «существующих как бы вне времени» [7, с. 174]. Он полагал, что на этой основе «необходимо постепенно выстраивать новую экономическую историю, основанную на учете проявлений этого движения и этой неподвижности, с которыми мы без конца сталкиваемся в жизни» [6, с. 427].

Это замечание Ф. Броделя является актуальным для современной институциональной теории, где продолжается обсуждение категории института и институциональной динамики. Предлагаемое сегодня выделение в составе институциональной динамики инерционной (отражающей «неподвижности» человеческой истории. – С.К.) и целенаправленной составляющей [8] также развивает ранее высказанные Ф. Броделем положения.

Теоретическое наследство о роли географии в социально-экономическом развитии дает ряд важных идей и исторических иллюстраций. Современные исследования в гетеродоксной экономике, опираясь на эти достижения, развивают методы модельного и статистического анализа.

«ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ГИПОТЕЗА» В ДИСКУССИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ИНСТИТУЦИОНАЛИСТОВ

В современных институциональных исследованиях географические особенности являются объектом рассмотрения в двух плоскостях. Во-первых, известен сравнительный анализ роли географии и качества институтов в достижении более высоких показателей экономического роста. Как правило, речь идет о темпах роста ВВП или уровне доходов. Во-вторых, исследуется

влияние географических особенностей разных стран на состояние и развитие в них институтов, способствующих росту экономики. В поле рассмотрения обычно находятся такие экономические институты, как защищенность прав собственности, эффективность государства, характер регулирования и т. п. Межстрановые сопоставительные исследования в этих двух областях проводятся активно с конца 1990-х гг.

Наиболее известны работы, которые проводятся в США под эгидой Национального бюро экономических исследований (NBER) – исследовательской организации, из которой вышло немало нобелевских лауреатов с «американской пропиской». Наряду с учеными США в сравнительных исследованиях участвуют специалисты из других регионов, например, Африки и Ближнего Востока. В результате с начала 2000-х гг. в мировой литературе развернулась дискуссия «география *versus* институты» между теми, кто полагает географические различия более существенными по сравнению с институциональными факторами дифференциации экономического роста, и теми, кто считает их менее важными. Обзоры данной дискуссии представлены в [22; 42; 43; 52].

Перед тем как проанализировать основные позиции и стоящие за ними исследования, сделаем несколько методических замечаний. Во-первых, в представленных работах по-разному операционализированы и «география», и «институты». Поэтому каждый раз необходимо оговаривать, о чем конкретно в рассматриваемых исследованиях идет речь. Во-вторых, очевидно, что между показателями экономического роста и уровнем развитости институтов существуют неоднозначные причинно-следственные связи, и ответ на вопрос о том, что на что влияет, часто остается открытым [45]. «Институты являются и причиной, и следствием социально-экономического развития, они формируют экономическое пространство и, в свою очередь, формируются им» [23]. В-третьих, выделить влияние исследуемых факторов «методологически корректно» не всегда возможно, поскольку на изучаемые процессы, помимо институциональных и географических факторов, влияет множество иных – от производственных до социально-культурных. Поэтому «однозначных результатов получить не удастся, поскольку имеются проблемы с измерением вклада тех или иных переменных в совокупный экономический рост» [23, с. 15]. В-четвертых, проблема измерения. Если в отношении географических характеристик можно говорить об объективно фиксируемых параметрах (например, расстояние от экватора или температура воздуха), то измерение институтов, образующих, как правило, целостную систему, продолжает оставаться проблемой. «Количественной оценке в основном подвергаются результаты действия институтов, которые зависят не только от самих институтов, но и от влияния других эндо- и экзогенных факторов, выделить из которых институциональный фактор в «чистом виде» крайне сложно,

если вообще возможно», – справедливо отмечает Д.П. Фролов [23, с. 25]. Поскольку институты принципиально «многомерны», то проведение сравнительного анализа для разных стран оказывается зачастую проблематичным. Кроме того, как правило, качество институтов определяется на основе обобщенных экспертных оценок, которые не в равной мере применимы к рассматриваемым в различных исследованиях странам [1].

Эти ограничения известны специалистам. Тем не менее исследования ведутся, и сравнительное влияние географических и институциональных факторов на экономический рост (и друг на друга) многократно тестировалось на основе разных статистических и эконометрических методов.

Альтернативные позиции в развернувшейся дискуссии ярко иллюстрируют названия «программных» статей лидеров двух противостоящих направлений – известных североамериканских экономистов Д. Родрика и Дж. Сакса. В 2002 г. Д. Родрик вместе с коллегами опубликовал статью «Institutions Rule: The Primacy of Institutions over Geography and Integration in Economic Development» [47]. В ней, как следует из названия, обосновывалась более важная, по сравнению с географическим фактором, роль институтов для экономического развития. Не отрицая влияния географических параметров на экономический рост, Д. Родрик и его коллеги отмечают, что влияние географии опосредовано институтами. Опираясь на эконометрические модели, они показали, что именно институциональные переменные наилучшим образом объясняют межстрановые различия в уровнях экономического развития [46; 48]. Позицию Д. Родрика о том, что география не столь важна, как качество институтов, разделяет ряд исследователей, представивших аналогичные выводы [25–28; 54].

Через год после выхода «манифеста» Д. Родрика и его коллег другой известный экономист Дж. Д. Сакс опубликовал свой ответ в работе «Institutions Don't Rule: Direct Effects of Geography on Per Capita Income» [49]. Уже из названия можно видеть, что в ней защищается тезис о приоритете географических факторов по сравнению с институциональными (так же, как Д. Родрик с коллегами, Дж. Сакс рассматривает уровень доходов в качестве показателя экономического развития). Дж. Сакс отмечает, что «роль географии и обеспеченности ресурсами в развитии не следует недооценивать» [51]. Данная позиция обосновывается в ряде других работ, выполненных с его участием, а также рядом других исследователей [32; 33; 34; 41; 44; 50].

Какая «география» и какие «институты» исследовались в указанных работах? Географические параметры, учитываемые в отмеченных исследованиях, часто не совпадают. Если на теоретическом уровне отмечается роль таких характеристик, как наличие полезных ископаемых, климат, удаленность от экватора, выход страны к морю и др. [46], то в представленных эконо-

нометрических моделях набор показателей значительно сужен. Так, в своем эмпирическом исследовании Д. Родрик с соавторами использует, как правило, такой географический показатель, как расстояние от экватора в градусах [47, с. 6]. Основное внимание он уделяет роли институциональных факторов, которые представлены в его исследованиях более подробно.

В отличие от Д. Родрика, Дж. Сакс с соавторами рассматривают более широко представленную группу географических факторов. Приоритетное значение географии они связывают с ее очевидной экзогенностью и независимостью от проводимой в стране политики (чего нельзя сказать об институтах). Географические факторы в их работах представлены следующим набором показателей: принадлежность страны к Северному или Южному полушарию; удаленность от морских торговых путей; тип климата. Результаты Дж. Сакса и коллег показали, что сочетание таких характеристик, как расположение страны в Северном полушарии, наличие умеренного климата и доступ к морским путям являются наиболее благоприятными для долгосрочного экономического роста [49; 51]. «При этом благоприятная география оказывает как прямое влияние на рост посредством снижения транспортных издержек, улучшения здоровья населения, урожайности сельскохозяйственных культур и плодovitости скота, наличия природных ресурсов и пониженных издержек их добычи, так и косвенное – посредством, например, возраста освоения территории и плотности населения, которые способствуют росту за счет агломерационного эффекта» [22, с. 18].

А как измерялись институты? Качество институтов определялось на основе стандартного индекса, представленного в работе [37]. Разработанный в ней комбинированный индикатор охватывает параметры защиты прав собственности и прочности правовой системы. При оценке институтов, как было отмечено ранее, интерпретационный компонент представлен гораздо сильнее, чем при анализе географии. Так, «хорошие» экономические институты, по мнению сторонников позиции Д. Родрика, это те, которые поддерживают гарантии прав собственности [25, с. 9]. При этом речь идет о таких обеспечивающих эффективные права собственности институтах, которые являются продуктом исторического развития европейских стран в XVIII и XIX столетиях, указывают Пэрент и Зуэш со ссылкой на работы Норта [42, с. 4].

Суммируя итоги североамериканской дискуссии о взаимодействии институтов и географии, а также об их влиянии на экономический рост, укажем на следующие моменты, объединяющие обе стороны.

Во-первых, национальные институты и географические характеристики стран относят к группе фундаментальных или глубинных (*fundamental or deep*), по терминологии Д. Родрика [46], факторов экономического роста. При этом география здесь является несомненно экзогенным фактором (по-

видимому, не только по отношению к экономическому росту, но и к институтам), с чем, безусловно, следует согласиться.

Во-вторых, географические и институциональные факторы существенны, прежде всего, для объяснения долгосрочных трендов. «Попытки объяснить различия в темпах роста на коротких интервалах с помощью институциональных переменных дают результаты, которые статистически не столь значимы и менее устойчивы» [22, с. 10–11]. На наш взгляд, с этим также следует согласиться: целесообразность рассмотрения действия географических и институциональных факторов преимущественно на достаточно продолжительных временных горизонтах не вызывает сомнений.

В-третьих, когда речь идет о географических и институциональных факторах с точки зрения их сравнительной роли в обеспечении экономического роста, нельзя не отметить, что в такого рода работах «дихотомизация географических и институциональных факторов методологически некорректна» [23, с. 15]. Действительно, институты и география при таком подходе не образуют дихотомию, другими словами, они «не покрывают» все пространство возможных факторов роста. Поэтому на основе проведенных исследований трудно однозначно судить о сравнительной роли каждого из факторов. Более справедливо было бы рассматривать их соответствие друг другу в ходе непосредственных сопоставлений.

В-четвертых, и Д. Родрик с коллегами, и Дж. Сакс с коллегами используют, как правило, редуционистский подход при анализе институтов, когда принимались во внимание лишь некоторые из них, «вырванные» из общего контекста. Однако институциональные структуры имеют холистическую природу¹, что означает невозможность вычленения роли отдельного института. Кроме того, при характеристике институтов использовался, как правило, ограниченный набор паттернов, сложившихся в ряде стран Европы и США, и, возможно, недостаточно адекватный для других государств. Наконец, авторы апеллировали к преимущественно экономическим институтам. Однако для экономических институтов характерно свойство *embeddedness*² (включенности, укорененности в социальной «неэкономической» структуре). Поэтому рассматривать зависимость от географии отдельных институтов вряд ли правомерно. Следует иметь в виду институциональную структуру как взаимосвязанное целое. Представление ее в виде взаимодействующих институциональных матриц [11] было бы, на наш взгляд, более адекватным.

В проведенных в России исследованиях о роли географических факторов

¹ Именно институционалисты, точнее, представители американского «оригинального институционализма», ввели принцип холизма в экономические исследования (подробнее см. [10, с. 74–76]).

² Термин введен экономическим историком Карлом Поланьи и развит экономсоциологом Марком Грановеттером.

в становлении институциональной структуры отмеченные недостатки были учтены. Речь идет о проекте «Климат и институциональные матрицы», осуществленном сотрудниками Центра эволюционной экономики Института экономики РАН в 2014–2015 гг. в сотрудничестве с коллегами из других академических институтов¹. Проведенное исследование в определенной мере следовало тому же плану, что и проанализированные выше работы, но в то же время имело свои особенности.

Сходство состоит в том, что российское исследование также носило сравнительный характер и включало большую выборку стран – в нашем случае общее число стран составило 65, в сумме они производят 89,9% мирового ВВП. Второе сходство состоит в том, что в качестве источников информации также использовались известные статистические базы данных, содержащие географические показатели². Но главное – имело место совпадение целей исследования: определение наличия и характера связей между институциональными и географическими факторами.

Отличия проведенного исследования по сравнению с теми, что проанализированы выше, состоят в следующем:

- использован гораздо более широкий набор географических характеристик. Исходная матрица анализируемых признаков включала 116 исходных и 15 интегральных показателей для каждой из 65 стран, вошедших в выборку;
- характеристика институциональной среды определяется характером доминирующей в государстве институциональной матрицы – X или Y , а не отдельными экономическими институтами в соответствии с известными индексами и экспертными оценками (проблемы работы с такого рода данными были рассмотрены ранее);
- расчеты базируются на статистическом моделировании, которое использует процедуры интеллектуального анализа данных в оригинальных методах классификации, позволяющих учитывать нелинейный характер связи между признаками, а не на линейных эконометрических моделях с несколькими объясняющими переменными.

Подробно методика и результаты исследования представлены в [12], а также в докладе, сделанном на секции экономики Отделения общественных наук РАН 6 апреля 2016 г. Здесь укажем лишь на основные выводы. Проведенное исследование позволяет утверждать, что гипотеза о влиянии при-

¹ В работе приняли участие сотрудники Института экономики РАН: заведующая сектором С.Г. Кирдина (руководитель проекта), мл. науч. сотр. А.И. Вольнский, мл. науч. сотр. И.Л. Кирилук, мл. науч. сотр. М.С. Круглова, канд. экон. наук, ст. науч. сотр. А.А. Рубинштейн, а также канд. биол. наук, ст. науч. сотр. А.В. Кузнецова (Институт биохимической физики им. Н.М. Эмануэля РАН) и д-р физ.-мат. наук, вед. науч. сотр. О.В. Сенько (Вычислительный центр им. А.А. Дородницына РАН). Ход и результаты работы обсуждались с д-ром экон. наук, вед. науч. сотр. А.В. Верниковым и действительным членом РАН, д-ром экон. наук В.И. Маевским.

² Подробнее структура данных и процедуры расчетов представлены в [13].

родно-географических условий на доминирование в стране той или иной институциональной матрицы статистически доказана. Другими словами, география, или, точнее, климат, однозначно определяет характер исторически доминирующих институтов. Данный результат дополняет выводы Дж. Сакса и его коллег о значении географических характеристик для формирования институциональных структур и траекторий экономического роста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теоретическая актуальность многолетних дискуссий о роли географии в становлении тех или иных институциональных структур и для выбора политики экономического роста сохраняется. Новые науки привносят новые методы изучения связей между этими характеристиками, опираясь на соответствующие исходные предпосылки. Гетеродоксальная экономика, которая, по сравнению с мейнстримом, отличается междисциплинарностью, вниманием к долговременным эволюционным процессам, учету пространственных факторов и особенностей развития социальных и институциональных структур, вносит в эту дискуссию свой вклад. Его значение определяется тем, что существует практический запрос на такого рода исследования, в том числе и в нашей стране. В известных дебатах о том, «почему Россия не Америка» и насколько «география виновата в том, что у нас такие институты», консенсус еще не найден, и согласованного понимания того, в каком направлении следует развивать российские институты и насколько «институциональное строительство» может быть ограничено нашими пространственными особенностями, у российских экономистов пока нет. Достижения гетеродоксальной экономики, в том числе и российской, могут предоставить дополнительные аргументы для этой дискуссии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А., Малков Е., Полищук Л., Рохлиц М., Сюняев Г. Измерение институтов в российских регионах: методология, источники данных, анализ // Вопросы экономики. 2015. № 2. С. 69–103.
2. Большой толковый социологический словарь (Collins) / пер. с англ. М.: Вече-АСТ, 1999. Т. 1. 544 с.
3. Большой толковый социологический словарь (Collins) / пер. с англ. М.: Вече-АСТ, 1999. Т. 2. 528 с.
4. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М.: Прогресс, 1977. С. 115–142.
5. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: Ч. 1. Роль среды. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
6. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: Ч. 3. События. Политика. Люди. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.

7. Демьяненко А.Н., Дятлова Л.А., Украинский В.Н. Фернан Бродель и становление геоисторического метода в исследовании экономического пространства // *Пространственная экономика*. 2013. № 3. С. 161–177. DOI: 10.14530/se.2013.3.161-177.
8. Ерзнкян Б.А. Инерционность институциональной динамики и проблемы ее реформирования // *Новые исследования в гетеродоксной экономике: российский вклад* / под ред. С.Г. Кирдиной, В.И. Маевского. М.: Институт экономики РАН, 2016 (в печати).
9. Ильин И. В поисках утраченной державности // *Федерализм*. 1998. № 1 (9).
10. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. СПб.: Нестор-История, 2014. 468 с.
11. Кирдина С.Г. Методологический индивидуализм и методологический институционализм // *Вопросы экономики*. 2013. № 10. С. 66–89.
12. Кирдина С.Г., Кузнецова А.Н., Сенько О.В. Климат и институциональные матрицы: межстрановой анализ // *Социологические исследования*. 2015. № 9. С. 3–13.
13. Кирилюк И.Л., Волынский А.И., Круглова М.С., Кузнецова А.В., Рубинштейн А.А., Сенько О.В. Эмпирическая проверка теории институциональных матриц методами интеллектуального анализа данных // *Компьютерные исследования и моделирование*. 2015. Т. 7. № 4. С. 923–933.
14. Кравченко С.А. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности. М.: МГИМО-Университет, 2012. 306 с.
15. Кульпин Э.С. Феномен России в системе координат социоестественной истории // *Иное. Хрестоматия нового российского самосознания*. М.: Аргус, 1995. Т. 1. С. 213–250.
16. Кульпин Э.С. Социоестественная история: предмет, метод, концепции. М.: Открытый университет, 1992.
17. Лаженцев В.Н. Социально-экономическая география и междисциплинарный синтез в изучении Севера и Арктики России // *Пространственная экономика*. 2015. № 4. С. 117–130. DOI: 10.14530/se.2015.4.117-130.
18. Минакир П.А. Экономический анализ и измерения в пространстве // *Пространственная экономика*. 2014. № 1. С. 12–39. DOI: 10.14530/se.2014.1.012-039.
19. Миронов Б.Н. Кто виноват: природа или институты? Географический фактор в истории России // *Общественные науки и современность*. 2014. № 5. С. 130–141.
20. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
21. Ойкен В. Основы национальной экономики. М.: Экономика, 1996. 351 с.
22. Фрейнкман Л.М., Даикеев В.В., Муфтяхетдинова М.Р. Анализ институциональной динамики в странах с переходной экономикой: научные труды № 126. М.: ИЭПП, 2009. 252 с.
23. Фролов Д.П. Имеют ли институты значение для пространственной экономики? // *Пространственная экономика*. 2015. № 1. С. 14–37. DOI: 10.14530/se.2015.1.014-037.
24. Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. М.: К. Солдатенков и Н. Щепкин, 1858. 402 с.
25. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth / NBER. Working Paper. No. 10481. 2004. 111 p.
26. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. Reversal of Fortune: Geography and Institutions in the Making of the Modern World Income Distribution // *Quarterly Journal of Economics*. 2002. Vol. 117. Issue 4. Pp. 1231–1294. DOI: 10.1162/003355302320935025.
27. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation // *American Economic Review*. 2001. Vol. 91. Issue 5. Pp. 1369–1401. DOI: 10.1257/aer.91.5.1369.

28. *Acemoglu D., Robinson J.* Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. New York: Crown Business, 2012. 529 p.
29. *Davis J.B.* Heterodox Economics, the Fragmentation of the Mainstream, and Embedded Individual Analysis // *Future Directions for Heterodox Economics*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2008. Pp. 53–72.
30. *Dow S.C., Ear P.E., Foster J., Harcourt G.C., Hodgson G.M., Metcalfe J.S., Ormerod P., Rosewell B., Sawye M.C., Tylecote A.* Letter to Her Majesty the Queen. 2009. 10 August. URL: www.feed-charity.org/user/image/queen2009b.pdf (дата обращения: декабрь 2013).
31. *Earle T.* Political Domination and Social Evolution // *Companion Encyclopedia of Anthropology* / Edited by T. Ingold. London: Routledge. 1994. Pp. 940–961.
32. *Easterly W., Levine R.* Tropics, Germs and Crops: How Endowments Influence Economic Development / NBER. Working Paper. No. 9106, 2002. August.
33. *Gallup J.L., Sachs J.D.* The Economic Burden of Malaria // *The American Journal of Tropical Medicine & Hygiene*. 2001. Vol. 64. No. 1–2 (Supplement). Pp. 85–96.
34. *Gallup J.L., Sachs J., Mellinger A.* Geography and Economic Development // *International Regional Science Review*. 1999. Vol. 22. Pp. 179–232. DOI: 10.1177/016001799761012334.
35. *Hausmann R., Pritchett L., Rodrik D.* Growth Accelerations // *Journal of Economic Growth*. 2005. Vol. 10. Issue 4. Pp. 303–329. DOI: 10.1007/s10887-005-4712-0.
36. *Ingram M.J., Farmer J., Wigley T.M.L.* Past Climate and Their Impact on Man: A Review // *Climate and History: Studies in Past Climates and Their Impact on Man*. Cambridge University Press, 1981. Pp. 3–50.
37. *Kaufmann D., Kraay A., Zoido-Lobaton P.* Governance Matters II: Updated Indicators for 2000/01 / Policy Research Working Paper No. 2772. 2002. 60 p.
38. *Kirdina S.* Methodological Individualism and Methodological Institutionalism for Interdisciplinary Research // *Montenegrin Journal of Economics*. 2015. Vol. 11. No. 1. Pp. 53–67.
39. *Lenski G.E., Lenski J.* Human Societies: An Introduction to Macrosociology. Third Edition. New-York: Mc Graw-Hill, 1978. 515 p.
40. *Lorenz A., Hemmer H.-R., Ahlfeld S.* The Economic Growth Debate – Geography Versus Institutions: Is There Anything Really New? // *Entwicklungsökonomische Diskussionsbeiträge = Discussion Papers in Development Economics*. 2005. No. 34. 19 p.
41. *Mellinger A.D., Sachs J.D., Gallup J.L.* Climate, Coastal Proximity, and Development // *The Oxford Handbook of Economic Geography* / Edited by G.L. Clark, M.P. Feldman, M.S. Gertler. Oxford University Press, 2000. Pp. 169–194.
42. *Parent O., Zouache A.* Geographical Features vs. Institutional Factors: New Perspectives on the Growth of Africa and Middle-East / *Economic Research Forum. Working Paper. No 490*. 2009. 30 p.
43. *Parent O., Zouache A.* Geography Versus Institutions: New Perspectives on the Growth of Africa and the Middle East // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 2012. Vol. 168. No. 3. Pp. 488–518. DOI: 10.1628/093245612802921006.
44. *Plummer P., Sheppard E.* Geography Matters: Agency, Structures and Dynamics at the Intersection of Economics and Geography // *Journal of Economic Geography*. 2006. Vol. 6. Issue 5. Pp. 619–637. DOI: 10.1093/jeg/lbl005.
45. *Rodríguez-Pose A.* Do Institutions Matter for Regional Development? // *Regional Studies*. 2013. Vol. 47. Issue 7. Pp. 1034–1047. DOI: 10.1080/00343404.2012.748978.
46. *Rodrik D.* In Search of Prosperity: Analytical Narratives on Economic Growth. Princeton University Press, 2003. 481 p.
47. *Rodrik D., Subramanian A., Trebbi F.* Institutions Rule: The Primacy of Institutions Over Geography and Integration in Economic Development / NBER. Working Paper. No. 9305. 2002. 44 p.

48. *Rodrik D., Subramanian A., Trebbi F.* Institutions Rule: The Primacy of Institutions Over Geography and Integration in Economic Development // *Journal of Economic Growth*. 2004. Vol. 2. Issue 9. Pp. 131–165. DOI: 10.1023/B:JOEG.0000031425.72248.85.

49. *Sachs J.D.* Institutions Don't Rule: Direct Effects of Geography on Per Capita Income / NBER. Working Paper. No. 9490. 2003. 12 p.

50. *Sachs J.D., Malaney P.* The Economic and Social Burden of Malaria // *Nature*. 2002. Vol. 415. Pp. 680–685. DOI: 10.1038/415680a.

51. *Sachs J.D.* Institutions Matter, but Not for Everything: The Role of Geography and Resource Endowments in Development Shouldn't be Underestimated // *Finance and Development*. 2003. Vol. 40. No. 2. Pp. 38–41.

52. *Saha B.* Institutions or Geography: Which Matters Most for Economic Development? // *Journal of Interdisciplinary Economics*. 2013. Vol. 25. No. 1–2. Pp. 69–89. DOI: 10.1177/0260107914524668.

53. *Service E.* Primitive Social Organization: An Evolutionary Perspective. New York: Random House, 1962. 211 p.

54. *Sokoloff K., Engerman S.* Institutions, Factor Endowments, and Paths of Development in the New World // *Journal of Economic Perspectives*. 2000. Vol. 14. No. 3. Pp. 217–232. DOI: 10.1257/jep.14.3.217.

55. *Steward J.* Theory of Culture Change. Urbana: University of Illinois Press, 1955. 256 p.

56. *Stinchcombe A.L.* Economic Sociology. New York: Academic Press, 1983. 269 p.

57. *Urry J.* Climate Change and Society. Cambridge: Polity Press, 2011. 200 p.

INSTITUTIONS AND GEOGRAPHY IN ECONOMIC DEVELOPMENT: A HETERODOX ECONOMIC DISCUSSION

S.G. Kirdina

Kirdina Svetlana Georgievna – Doctor of Sociology, Head of Sub-Division. Institute of Economics RAS, 32, Nakhimovskiy prospect, Moscow, Russia, 117218. E-mail: kirdina@bk.ru.

The debate about comparative roles of geographical and social (institutional) factors in economic development has been continuing for more than one hundred years. The fundamental basis of the debate is consideration of the economic world from the perspective of the interrelationship between nature and society. Emerging heterodox economics, which go beyond the limitations of the methodological prerequisites of mainstream economic thought, contributes new ideas to this continuing discussion. It focuses on the study of evolutionary processes and the development of economic phenomena from the long-term historical perspective. At the same time heterodox economics seeks to build a bridge between the study of social and economic processes, on the one hand, and the environment in which they are carried out, on the other hand. Therefore, the environment, climate and geography became topics of study in heterodox economics. The paper focuses on the consideration of a 'geographical hypothesis' found in the works of modern Russian and foreign institutionalists. It shows that for the analysis of long-term economic evolution 'geography matters'. This conclusion is confirmed by the results of empirical studies carried out in Russia and worldwide since the early 2000's.

Keywords: geographical determinism, institutions, heterodox economics.

This research was supported by the Russian Foundation for Humanities, project No. 14-02-00422 'Macroinstitutional cyclical dynamics: theory and simulation'.

REFERENCES

1. Baranov A., Malkov E., Polishchuk L., Rochlitz M., Syunyaev G. Measuring Institutions in Russian Regions: Methodology, Sources of Data, Analysis. *Voprosy Ekonomiki* [Economic Issue], 2015, no. 2, pp. 69–103. (In Russian).
2. *Big Explanatory Sociological Dictionary (Collins)*. Translated from English. Moscow, 1999, vol. 1, 544 p. (In Russian).
3. *Big Explanatory Sociological Dictionary (Collins)*. Translated from English. Moscow, 1999, vol. 2, 528 p. (In Russian).
4. Braudel F. History and Social Science. The Historical Activities. *Filosofiya i Metodologiya Istorii* [Philosophy and Methodology of History], Moscow, 1977, pp. 115–142. (In Russian).
5. Braudel F. *Mediterranean Sea and the Mediterranean World in the Age of Philip II: Part I. The Role of the Environment*. Moscow, 2002, 496 p. (In Russian).
6. Braudel F. *Mediterranean Sea and the Mediterranean World in the Age of Philip II: Part III. The events. Policy. People*. Moscow, 2002, 552 p. (In Russian).
7. Demyanenko A.N., Dyatlova L.A., Ukrainsky V.N. Fernand Braudel and Formation of Geohistorical Method in the Study of Economic Space. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2013, no. 3, pp. 161–177. DOI: 10.14530/se.2013.3.161-177. (In Russian).
8. Yerznkyan B.H. *The Inertia of Institutional Dynamics and Problems of Reformatting. Monographs 'New Research in Heterodoxy Economy: Russian Contribution'*. Edited by S.G. Kirdina, V.I. Maevskiy. Moscow: Institute of Economics of RAS, 2016 (in print). (In Russian).
9. Ilyin I. In search of lost statehood. *Federalizm*. [Federalism], 1998, no. 1 (9). (In Russian).
10. Kirdina S.G. *Institutional Matrices and Development in Russia: An Introduction to X&Y Theory*. Saint Petersburg, 2014, 468 p. (In Russian).
11. Kirdina S.G. Methodological Individualism and Methodological Institutionalism. *Voprosy Ekonomiki* [Economic Issue], 2013, no. 10, pp. 66–89. (In Russian).
12. Kirdina S.G., Kuznetsova A.V., Sen'ko O.V. Climate and Institutional Matrices: Cross-Country Analysis. *Sotsiologicheskie Issledovaniya – Sociological Studies*, 2015, no. 9, pp. 3–13. (In Russian).
13. Kirilyuk I.L., Volynsky A.I., Kruglova M.S., Kuznetsova A.V., Rubinstein A.A., Senko O.V. Empirical Testing of Institutional Matrices Theory by Data Mining. *Kompyuternye Issledovaniya i Modelirovanie – Computer Research and Modeling*, 2015, vol. 7, no. 4, pp. 923–933. (In Russian).
14. Kravchenko S.A. *To Justifying of the Humanistic Theory of Complexity of Society*. Moscow, 2012, 306 p. (In Russian).
15. Kulpin E.S. The Phenomenon of Russia in the Coordinate System Social-Natural History. *Otherwise. Anthology of New Russian Self-Consciousness*. Moscow, 1995, vol. 1, pp. 213–250. (In Russian).
16. Kulpin E.S. *Social-Natural History: The Subject, Method, Concept*. Moscow, 1992. (In Russian).
17. Lazhentsev V.N. Socio-Economic Geography and Interdisciplinary Synthesis in the Study of the Russian North and Arctic. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2015, no. 4, pp. 117–130. DOI: 10.14530/se.2015.4.117-130. (In Russian).
18. Minakir P.A. Economic Analysis and Measurements: Spatial Case. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2014, no. 1, pp. 12–39. DOI: 10.14530/se.2014.1.012-039. (In Russian).

19. Mironov B.N. Who is to Blame: The Nature or Institution? Geographical Factor in the History of Russia. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost* [Social Sciences and Modernity], 2014, no. 5, pp. 130–141. (In Russian).
20. North D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Moscow, 1997, 180 p. (In Russian).
21. Eucken W. *Foundations of the National Economy*. Moscow, 1996, 351 p. (In Russian).
22. Freinkman L., Dashkeev V., Muftiahetdinova M. *Analysis of Institutional Dynamics in the Economies in Transition*. Moscow: Institute for the Economy in Transition, 2009, 252 p. (In Russian).
23. Frolov D.P. Do Institutions Matter in Spatial Economics? *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2015, no. 1, pp. 14–37. DOI: 10.14530/se.2015.1.014-037. (In Russian).
24. Chicherin B.N. *Experiments on the History of Russian Law*. Moscow, 1858, 402 p. (In Russian).
25. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. Reversal of Fortune: Geography and Institutions in the Making of the Modern World Income Distribution. *Quarterly Journal of Economics*, 2002, vol. 117, issue 4, pp. 1231–1294. DOI: 10.1162/003355302320935025.
26. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. *Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth*. NBER. Working Paper. No. 10481, 2004, 111 p.
27. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation. *American Economic Review*, 2001, vol. 91, issue 5, pp. 1369–1401. DOI: 10.1257/aer.91.5.1369.
28. Acemoglu D., Robinson J. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. New York: Crown Business, 2012, 529 p.
29. Davis J.B. Heterodox Economics, the Fragmentation of the Mainstream, and Embedded Individual Analysis. *Future Directions for Heterodox Economics*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2008, pp. 53–72.
30. Dow S.C., Ear P.E., Foster J., Harcourt G.C., Hodgson G.M., Metcalfe J.S., Ormerod P., Rosewell B., Sawye M.C., Tylecote A. *Letter to Her Majesty the Queen. 2009, 10 August*. Available at: www.feed-charity.org/user/image/queen2009b.pdf (accessed December 2013).
31. Earle T. Political Domination and Social Evolution. *Companion Encyclopedia of Anthropology*. Edited by T. Ingold. London: Routledge, 1994, pp. 940–961.
32. Easterly W., Levine R. *Tropics, Germs and Crops: How Endowments Influence Economic Development*. NBER. Working Paper. No. 9106, 2002, August.
33. Gallup J. L., Sachs J. D. The Economic Burden of Malaria. *The American Journal of Tropical Medicine & Hygiene*, 2001, vol. 64, no. 1–2 (Supplement), pp. 85–96.
34. Gallup J.L., Sachs J., Mellinger A. Geography and Economic Development. *International Regional Science Review*, 1999, vol. 22, pp. 179–232. DOI: 10.1177/016001799761012334.
35. Hausmann R., Pritchett L., Rodrik D. Growth Accelerations. *Journal of Economic Growth*, 2005, vol. 10, issue 4, pp. 303–329. DOI: 10.1007/s10887-005-4712-0.
36. Ingram M.J., Farmer J., Wigley T.M.L. Past Climate and Their Impact on Man: A Review. *Climate and History: Studies in Past Climates and Their Impact on Man*. Cambridge University Press, 1981, pp. 3–50.
37. Kaufmann D., Kraay A., Zoido-Lobaton P. *Governance Matters II: Updated Indicators for 2000/01*. Policy Research Working Paper. No. 2772, 2002, 60 p.
38. Kirdina S. Methodological Individualism and Methodological Institutionalism for Interdisciplinary Research. *Montenegrin Journal of Economics*, 2015, vol. 11, no. 1, pp. 53–67.

39. Lenski G.E., Lenski J. *Human Societies: An Introduction to Macrosociology. Third Edition*. New-York: Mc Graw-Hill, 1978, 515 p.
40. Lorenz A., Hemmer H.-R., Ahlfeld S. The Economic Growth Debate – Geography Versus Institutions: Is There Anything Really New? *Entwicklungsökonomische Diskussionsbeiträge – Discussion Papers in Development Economics*, 2005, no. 34, 19 p.
41. Mellinger A.D., Sachs J.D., Gallup J.L. Climate, Coastal Proximity, and Development. *The Oxford Handbook of Economic Geography*. Edited by G.L. Clark, M.P. Feldman, M.S. Gertler. Oxford University Press, 2000, pp. 169–194.
42. Parent O., Zouache A. *Geographical Features vs. Institutional Factors: New Perspectives on the Growth of Africa and Middle-East*. Economic Research Forum. Working Paper. No. 490, 2009, 30 p.
43. Parent O., Zouache A. Geography Versus Institutions: New Perspectives on the Growth of Africa and the Middle East. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, 2012, vol. 168, no. 3, pp. 488–518. DOI: 10.1628/093245612802921006.
44. Plummer P., Sheppard E. Geography Matters: Agency, Structures and Dynamics at the Intersection of Economics and Geography. *Journal of Economic Geography*, 2006, vol. 6, issue 5, pp. 619–637. DOI: 10.1093/jeg/lbl005.
45. Rodríguez-Pose A. Do Institutions Matter for Regional Development? *Regional Studies*, 2013, vol. 47, issue 7, pp. 1034–1047. DOI: 10.1080/00343404.2012.748978.
46. Rodrik D. *In Search of Prosperity: Analytical Narratives on Economic Growth*. Princeton University Press, 2003, 481 p.
47. Rodrik D., Subramanian A., Trebbi F. *Institutions Rule: The Primacy of Institutions Over Geography and Integration in Economic Development*. NBER. Working Paper No. 9305, 2002, 44 p.
48. Rodrik D., Subramanian A., Trebbi F. Institutions Rule: The Primacy of Institutions Over Geography and Integration in Economic Development. *Journal of Economic Growth*, 2004, vol. 2, issue 9, pp. 131–165. DOI: 10.1023/B:JOEG.0000031425.72248.85.
49. Sachs J.D. *Institutions Don't Rule: Direct Effects of Geography on Per Capita Income*. NBER. Working Paper. No. 9490, 2003, 12 p.
50. Sachs J. D., Malaney P. The Economic and Social Burden of Malaria. *Nature*, 2002, vol. 415, pp. 680–685. DOI: 10.1038/415680a.
51. Sachs J.D. Institutions Matter, but Not for Everything: The Role of Geography and Resource Endowments in Development Shouldn't be Underestimated. *Finance and Development*, 2003, vol. 40, no. 2, pp. 38–41.
52. Saha B. Institutions or Geography: Which Matters Most for Economic Development? *Journal of Interdisciplinary Economics*, 2013, vol. 25, no. 1–2, pp. 69–89. DOI: 10.1177/0260107914524668.
53. Service E. *Primitive Social Organization: An Evolutionary Perspective*. New York: Random House, 1962, 211 p.
54. Sokoloff K., Engerman S. Institutions, Factor Endowments, and Paths of Development in the New World. *Journal of Economic Perspectives*, 2000, vol. 14, no. 3, pp. 217–232. DOI: 10.1257/jep.14.3.217.
55. Steward J. *Theory of Culture Change*. Urbana: University of Illinois Press, 1955, 256 p.
56. Stinchcombe A.L. *Economic Sociology*. New York: Academic Press, 1983, 269 p.
57. Urry J. *Climate Change and Society*. Cambridge: Polity Press, 2011, 200 p.